

Йегуда Амихай

БОГИ МЕНЯЮТСЯ,
МОЛИТВЫ ОСТАЮТСЯ

Йегуда Амихай (1924 — 2000) — поэт, прозаик, драматург. Автор одиннадцати книг стихотворений. Классик ивритской поэзии XX века. Переведен на 37 языков. Лауреат многих израильских и международных премий. Как отмечают критики, наиболее переводимый ивритский поэт после царя Давида.

ИЗ ЦИКЛА «ТЕХНИКА ЛЮБВИ»

И был вечер, и было утро: только шесть дней
мы были вместе, словно при сотворении мира,
но в обратном порядке.

Мы начали с создания счастливого человека,
потом животные и птицы, и травы, и деревья,
и был свет. И все кончилось хаосом,
тьма над бездной.

С тех пор нам приходится
готовить чудеса и все удивительное и прекрасное —
каждому по отдельности, самому для себя,
как заполнять автомат хорошими вещами
ночью — чтобы завтра явилось,
со звоном монеты и поцелуем металла,
неожиданное чудо.

А ночью вернуться и опять заполнить.

ДОЛГОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

У реки следы зверей, которых мы не знали, следы дней,
уже наступивших и миновавших.

Я шел, и за мной гнались звуки радио. Но мои уши —
птицы, чтобы улетать, а не слушать.

Жесткость во мне — это затвердевшая тоска,
не жестоковыйность, не непреклонность сердца,
а окаменевшая грусть.

Мы прошли через города, встречавшие нас белыми
кладбищами. Что там оставалось еще смотреть?
Как женщина, которую ты впервые видишь
обнаженной; что потом ее одежда?
Школы, сады, церкви?

Все, что продолжает жить, с момента нашей смерти и дальше,
это вечность. Мы живем в вечном сне других,
тех, кто был до нас, мы их вечность. Мосты
успокаивают нас. Плуги из прошлого столетия
ржавеют в высокой траве.

Боль наших глаз в слепом сердце,
оно должно полагаться на глаза и на их боль,
на все то, что глаза видят там, снаружи,
на что они смотрят — для него, для сердца,
и сердце превращает их боль — в свою.

●

Мои дикие дети, утром они
съедают мои сны. Вечером — мои воспоминания.
Я их кормушка, я чувствую их шершавый язык
на своей душе. Слышу сладкое и опустошающее
причмокивание днем и ночью.

Мои дикие дети, словно баррикады, я окапываюсь в них.
Они растворяют мое сумасшествие, утишают крик.

Я хочу зажечь свои глаза от их глаз,
как на ночной темной улице человек просит зажигалку,
чтобы выкурить последнюю сигарету.

ОНА СВОБОДНА

*(Из цикла «Смерть матери и проигранные битвы
за будущее детей»)*

Она свободна, свободна от тела
и от души, свободна от крови, кровь то же, что душа,
свободна от желаний, свободна от внезапного страха
и от страха за меня, свободна от уважения и от стыда,
от надежды и от отчаяния, свободна от огня и воды,
свободна от цвета глаз и цвета волос,
свободна от мебели, свободна от ложки, ножа и вилки,
от небесного Иерусалима и от земного Иерусалима,
свободна от идентичности и от удостоверения личности,
свободна от круглых печатей
и квадратных печатей,
свободна от фотографий и скрепкошпигателей,
она свободна, свободна.

И все буквы и цифры,
в которые укладывалась ее жизнь, тоже свободны
для новых комбинаций, новых перевоплощений, новых игр
всех поколений, кто придет после нее.

ИЗ ЦИКЛА «БОГИ МЕНЯЮТСЯ, МОЛИТВЫ ОСТАЮТСЯ НАВСЕГДА»

Я верю полной верой в воскресение из мертвых, потому что,
как те, кто хочет вернуться в любимое место, специально
оставляют там книгу, сумку, очки, маленький снимок,
так мертвые оставляют живых, чтобы вернуться.

— [НО] —

Когда-то я стоял, в тумане дальней осени, на заброшенном еврейском кладбище, но оно не было брошено мертвыми. Тамошний садовник хорошо разбирался в цветах и временах года и мало что знал о похороненных евреях, но он сказал: они тренируются каждую ночь, готовятся к воскресению из мертвых.

Перевод с иврита Александра БАРАША